

А.Яшлавский

**ВЫВОД ВОЙСК США ИЗ АФГАНИСТАНА
И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Статья принята к печати 10.09.2021.

DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-93-109

Афганистан: между возможностями и угрозами

Заявленный весной 2021 г. администрацией США вывод американских войск из Афганистана до 11 сентября 2021 г. (впоследствии эта дата была сдвинута президентом Дж.Байденом на более ранний срок – 31 августа) ознаменовал не только намерение Вашингтона выйти из самого длительного вооруженного конфликта, в котором когда-либо участвовали Соединенные Штаты, и фактический захват власти в Афганистане радикальными исламистами, но и возникновение новых вызовов и угроз в регионе Центральной Азии.

Особую озабоченность и тревогу изменение военно-политических реалий в Афганистане вызывает в постсоветских государствах, граничащих с этой страной. С учетом традиционных связей центральноазиатских республик, возникающие в сфере безопасности вызовы весьма актуальны и с точки зрения России. Это обусловлено целым рядом факторов, таких как наркоторговля, торговля людьми, нелегальная миграция и терроризм. «Все эти элементы имеют центральные корни в Афганистане», поэтому будущее структуры безопасности Афганистана и Центральной Азии невозможно представить без активной роли РФ [1].

Ряд государств региона, в частности Узбекистан и Казахстан, в последние годы способствовали мирному процессу в Афганистане. В Ташкенте Афганистан воспринимают двойственно – с одной стороны, как источник потенциальных угроз и вызовов, связанных с военно-политической нестабильностью к югу от республики, с другой – «как страну возможностей, способную предоставить региону, не имеющему выхода к морю, давно желанный выход к Индийскому океану», обеспечить потенциал создания транспортного узла для диверсификации экспортных маршрутов государств ЦА [2, с. 43].

Участие Ташкента в мирном процессе в Афганистане заметно активизировалось. В частности, в 2018 г. в Узбекистане проводилась Ташкентская конференция с участием представителей 21 страны, ООН и ЕС,

которая подтвердила поддержку внутриафганских переговоров с талибами¹ без предварительных условий. По словам посла Узбекистана в США Д.Вахабова, Афганистан входит в десятку крупнейших торговых партнеров Узбекистана, расширяющего поставки электроэнергии в эту страну в рамках проектов, которые не только увеличат производственные мощности, но и создадут для афганцев новые рабочие места [3].

В контексте вовлечения Афганистана в региональные процессы следует также рассматривать проведенную в июле 2021 г. в Ташкенте международную конференцию «Центральная и Южная Азия: Региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», в работе которой приняли участие президент Афганистана Ашраф Гани и премьер-министр Пакистана Имран Хан.

Узбекистан, как отмечает казахстанский исследователь Ж.Байзакова, «справедливо считает себя буферным государством между Афганистаном и ЦА и на протяжении многих лет неуклонно повышает безопасность своих границ. Узбекское правительство действительно мыслит стратегически в этом отношении и пытается служить мостом между Кабулом и другими соседями по Центральной Азии» [2, с. 42].

Не имеющий общей границы с Афганистаном Казахстан также активно вовлечен в оказание помощи этой стране (прежде всего, в социальном и культурном плане). На то, чтобы афганские студенты могли жить и учиться в Казахстане, было выделено более 50 млн долл. [2, с. 42]. По данным посла Казахстана в США Е.Казыханова, в рамках флагманской образовательной программы «Болашак» в казахстанских университетах прошли обучение более 1000 афганских студентов.

В 2018 г. в Казахстане прошла региональная конференция по расширению в Афганистане прав и возможностей женщин. Помимо этого, Астана предоставила Кабулу помощь на сумму более 80 млн долл. через агентство внешней помощи KazAID. Основная часть средств внешней помощи Казахстана направляется именно в Афганистан, где KazAID акцентирует внимание на инфраструктуре, гуманитарной сфере и инициативах по гендерному равенству [3].

Попытки подключить центральноазиатские государства к урегулированию в Афганистане проявляют Соединенные Штаты, в том числе в рамках инициативы Госдепартамента «C5 + 1», в которую наряду с США входят пять постсоветских центральноазиатских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).

¹ Талибы, «Талибан» – террористическая организация, запрещенная в РФ.

Данный формат рассматривается как потенциал для углубления региональной интеграции с участием Афганистана [3].

Вряд ли можно спорить с тем, что мирный и стабильный Афганистан отвечает интересам всего региона в целом и каждой из входящих в него стран. Однако уход с афганской территории иностранных (главным образом, американских) войск не только не означает наступления долгожданного мира, но создает немалое количество новых рисков и угроз как для самого Афганистана, так и для его соседей (а ввиду тесных связей, существующих на постсоветском пространстве, – и для России).

Эти риски с особой остротой проявились с активизацией наступательных действий боевиков радикального исламистского движения «Талибан»², которым в июне–июле 2021 г. удалось взять под контроль ряд участков афганской границы с соседними государствами, включая Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан, а в середине августа захватить Кабул, де-факто установив власть над большей частью Афганистана.

Тревоги, связанные с выводом войск США и их союзников из Афганистана, возникли не сегодня и не вчера. Еще в начале 2010-х гг. экспертное сообщество задавалось вопросом о том, что ждет постсоветские республики ЦА после ухода американцев из Афганистана. В частности, это было связано с декларациями президента США Б.Обамы, обещавшего вывести в 2014 г. большую часть контингента НАТО и передать ответственность за обеспечение безопасности в стране афганским властям [4, с. 161].

К тому времени для Вашингтона ситуация в Афганистане вписывалась в формулу «чемодан без ручки: нести трудно, а бросить жалко». С одной стороны, внешне возникала иллюзия военно-политических успехов США в этой стране (одним из символов этих успехов стала операция американского спецназа по ликвидации Усамы бен Ладена в пакистанском Абботабаде), с другой – стало очевидным, что говорить о победе над боевиками-талибами или рассчитывать на мирное дипломатическое урегулирование – значит проявлять излишний оптимизм.

В этой связи у американского руководства возникло понимание, что «дальнейшее пребывание международных сил содействия безопасности в Афганистане не имеет смысла, поскольку вооруженная борьба против талибов себя исчерпала» [5, с. 33]. Очевиден был рост недовольства местного населения, а «вооруженная интервенция такого масштаба и

² «Талибан» – террористическая группировка, запрещенная на территории РФ.

продолжительности требует огромных материальных затрат, что в условиях финансово-экономического кризиса становится чрезвычайно тяжелым бременем» [5, с. 33].

Как известно, несмотря на частичный вывод воинского контингента США и их союзников, ни при Обаме, ни при Трампе полностью вывести свои войска из Афганистана Вашингтону не удалось. Даже заявленный администрацией Байдена уход из этой страны предполагал, что на ее территории останется некоторое количество американских военнослужащих (в частности, для охраны дипломатов и т.д.).

Существенным вызовом региональной безопасности может стать возможность передислокации в будущем американских военных в соседние с Афганистаном страны ЦА. В частности, нельзя исключать, что Вашингтон воспользуется озабоченностью этих государств ухудшением ситуации на афганской территории и выходом талибов к их границам для оказания давления с целью создания на территориях постсоветских стран региона американских баз.

Безусловно, военное присутствие США в постсоветском пространстве является крайне чувствительной проблемой как для России, так и для Китая. Нет сомнения, что попытки Вашингтона закрепиться в ЦА в военно-политическом отношении способны еще более обострить российско-американские и китайско-американские противоречия и привести к росту международной напряженности в Центрально-Азиатском регионе, в том числе и по линии двусторонних отношений.

Уход военных США из Афганистана чреват усилением конкуренции региональных и глобальных сил за обеспечение безопасности в Центральной Азии. Показательной в этой связи представляется активизация Турции, чьи военные взяли под охрану международный аэропорт Кабула. С учетом традиционного интереса Анкары к государствам ЦА (прежде всего, с преобладанием тюркского населения) можно предположить, что таким образом Турция пытается не только выступить в роли активного игрока на афганском поле, но и упрочить свои позиции в регионе.

Военные успехи боевиков: что дальше

Особую тревогу в регионе ЦА вызывают военные успехи боевиков-талибов, которым в течение лета 2021 г. на фоне вывода американских войск из республики удалось нанести ряд чувствительных поражений афганским правительственным силам и не только взять под контроль ряд участков на границах Афганистана, но и занять Кабул, вынудив президента страны Ашрафа Гани бежать за границу. В этой связи возникает неопределенность,

связанная с будущим этой страны, что накладывает отпечаток и на ситуацию в соседнем регионе.

Сценарий, при котором между официальным Кабулом и движением «Талибан» удастся достичь мирных договоренностей (предусматривающих, например, создание коалиционного правительства с участием представителей талибов, проведение выборов с участием «Талибана» и т.д.), которые были бы реализованы в полной мере, представлялся весьма маловероятным и до падения Кабула. Талибы установили контроль над большей частью территории страны, за исключением ряда районов, где возникла возможность концентрации антиталибских сил.

Несмотря на обещания победителей установить мир в стране, Афганистан может оказаться, с одной стороны, погруженным в вооруженное противостояние со всеми признаками полномасштабной гражданской войны. С другой стороны, Афганистан может вернуться к статус-кво, существовавшему до осени 2001 г., когда страна управлялась по жестким законам талибского «исламского эмирата», поддерживавшего тесные связи с международными экстремистскими группировками.

При таком сценарии не исключено и иностранное – прежде всего американское – военное вмешательство той или иной степени интенсивности (от поддержки антиталибских сил ракетно-бомбовыми ударами до действий сил специального назначения). Об этом фактически предупредил президент США Дж.Байден, заявивший, что Соединенные Штаты в случае необходимости сохраняют возможности для ударов по Афганистану с больших дистанций, а американские СМИ обрисовали возможную картину применения войсками США силы против боевиков на афганской территории: «Штурмовики с бортов авианосцев и бомбардировщики дальнего действия, вылетающие с наземных баз в Персидском заливе, Индийском океане и даже в Соединенных Штатах, могут наносить удары по боевикам-повстанцам, обнаруженным вооруженными дронами наблюдения» [6].

Несмотря на то что падение Кабула и переход всей страны под власть «Талибана» после ухода американских войск оказались неприятным «сюрпризом» практически для всего мира, для граничащих с Афганистаном постсоветских центральноазиатских республик новая военно-политическая ситуация не отличается принципиальной новизной (достаточно вспомнить, что к началу XXI в. «Талибан» контролировал до 90% афганской территории, включая Кабул).

Это положение, по словам российского политолога А.Серенко, в известном смысле означает «повторение пройденного»: «Талибы и раньше выходили на линию границы с тем же Таджикистаном, например, в провинции Бадахшан. Талибские группы долгое время контролировали

афгано-туркменское приграничье. Одним словом, опыт такой ситуации у афганской и таджикской, туркменской сторон есть» [7].

При этом степень опасности талибов для конкретных сопредельных государств может оцениваться экспертами по-разному. «Современная таджикистанская граница для боевиков стала опасной целью, так как ее безопасность гарантирует российская авиация, показавшая свои возможности в Сирии, – отмечает исследователь Ш.Содилов, – Узбекистан же имеет слишком большую армию и короткий участок границы, чтобы спешить с его штурмом. Туркменистан же превращается в оптимальную для боевиков цель. Причем не только из-за социально-экономических проблем, но и из-за ошибок военных реформ, стратегического планирования и снабжения силовиков» [8, с. 60].

Вместе с тем приходится констатировать, что ситуация с выходом сторонников «Талибана» на границы с постсоветскими республиками ЦА не является новым феноменом. Достаточно вспомнить, что в августе 1998 г. силы талибов достигли города Хайратон, отделенного от Узбекистана рекой Амударья, а через месяц они были в Шерхан Бандаре, отделенном от Таджикистана рекой Пяндж [9]. При этом Таджикистан и Узбекистан поддерживали формирования под командованием этнически близких им афганских полевых командиров таджика Ахмада Шах Масуда и узбека Абдул Рашида Дустума. Более того, как отмечает эксперт по Центрально-Азиатскому региону Б.Паннир, активная поддержка правительствами Таджикистана и Узбекистана противников «Талибана» оставляла в то время открытой возможность нападения исламистской группировки или их сторонников на эти страны [9].

Как бы то ни было, представляется маловероятным сценарий, при котором талибы попытались бы устраивать военные провокации на границах с соседями. Более того, эмиссары «политического крыла» движения «Талибан» неоднократно заявляли, что талибы не собираются продвигаться за пределы Афганистана, в то же время призывая соседние государства не вмешиваться в афганские дела и не размещать на своей территории иностранные вооруженные силы.

Между тем еще до вывода из Афганистана американского военного контингента на афганской стороне границы неоднократно происходили боестолкновения, например, с Таджикистаном. Можно привести в качестве примера инцидент в марте 2020 г., когда в результате перестрелок между талибами и силами правительства Афганистана пули залетали в приграничные кишлаки Таджикистана [10, с. 32], а летом 2021 г. поступали сообщения о переходе военнослужащих афганских правительственных сил, отступавших под натиском талибов, на территорию Узбекистана.

С учетом нахождения на территории Таджикистана российских военных, озабоченность Москвы событиями в северных районах Афганистана приобретает далеко не умышленный характер. Проблема для соседних постсоветских государств Центральной Азии заключается не только и не столько в переходе власти в Афганистане к талибам. Военно-политическая нестабильность там несет дестабилизирующее начало.

Фрагментация сил, действующих в Афганистане, в том числе в районах, граничащих со странами ЦА, грозит возникновением «серых зон», где могут активизироваться различные виды незаконной деятельности, включая контрабанду (в том числе оружия), нелегальный человеческий трафик, наркоторговлю и т. д. «Такая дестабилизация будет требовать от центральноазиатских государств усиления мер по обеспечению своей безопасности», отмечает И.Звягельская, по мнению которой главная угроза состоит «в огромном районе нестабильности, который никто не контролирует, где никто ничего не гарантирует и где будет процветать что угодно – любой нелегальный бизнес, любые силовые действия» [11].

Пропагандистский эффект: повторение пройденного

Гораздо более проблематичным выглядит пропагандистский аспект не реальных итогов военных наступлений талибов, а самого факта ухода США из Афганистана. В феврале 1989 г. вывод советских войск из Афганистана широко и эффективно использовался пропагандой исламистских экстремистов по всему миру как пример победы над «неверными», над одной из сверхдержав. Более того, распад СССР в 1991 г. преподносился не как результат внутренних политических и социально-экономических процессов в нашей стране, а как следствие поражения «шурави» в войне с «моджахедами».

Можно с уверенностью говорить о том, что именно война против советских войск в Афганистане – наряду с исламской революцией 1979 г. в Иране и распадом мировой биполярной системы – стала одним из решающих факторов, способствовавших выходу на мировую сцену исламистского экстремизма и терроризма как нового актора [12, с. 29]. Теперь сторонниками радикально-исламистских идей в своих пропагандистских целях аналогичным образом может быть использован уход американских войск, не сумевших за два с лишним десятилетия сломить вооруженное сопротивление талибов и других мятежных группировок, обеспечить в Афганистане мир и стабильность.

На этом фоне «Талибан» может воспользоваться выводом войск США для укрепления своего имиджа как «победителя» супердержавы. В своей пропаганде талибы уже начали позиционировать себя в качестве

«новой мировой сверхдержавы», что чревато всплеском активности сторонников «глобального джихада» далеко за пределами региона. Это, в свою очередь, несет в себе опасность возникновения (в том числе и в Центрально-Азиатском регионе) «подражателей», особенно в той части молодежной среды, которая склонна к радикализации. Как отмечает политолог А.Серенко, «появятся запросы на создание своих “талибанов” — узбекского, таджикского, киргизского и т. д. Это не значит, что такие проекты окажутся успешными, но сама попытка их реализовать принесет огромные проблемы региону» [13].

Несмотря на предпринимаемые властями государств Центральной Азии усилия по борьбе с религиозным экстремизмом, целый ряд факторов, обусловленных непростой социально-экономической ситуацией в странах региона, создает почву для возникновения и деятельности радикальных исламистских группировок, прибегающих в том числе к террористическим методам борьбы.

Как напоминают исследователи, «некоторые из наиболее активных боевиков в Афганистане принадлежат к группировкам, имеющим корни в Центральной Азии, таким как исламские движения Таджикистана и Узбекистана; “Исламская партия Туркестана”³ (бывшее “Исламское движение Восточного Туркестана”), основанная в Западном Китае; “Провинция Хорасан” “Исламского государства”⁴, которое, в отличие от Талибана, имеет более широкие региональные амбиции» [1].

В этой связи уместно вспомнить, что в свое время талибы предоставляли боевикам и лидерам «Исламского движения Узбекистана»⁵ не только убежище на афганской территории, но и возможность проходить подготовку в учебных лагерях. Фактически можно говорить о том, что в 1990 – 2000-е гг. между афганскими талибами и их единомышленниками из среднеазиатских государств возникли не просто партнерские, но союзнические отношения.

Впрочем, в настоящее время есть основания полагать, что в борьбе за легитимизацию на международной арене движение «Талибан» может подчеркнуто дистанцироваться от наиболее одиозных джихадистских группировок в расчете представить себя в глазах мировой общественности как готовая к умеренности легитимная сила на афганской политической сцене. Это, впрочем, не означает, что в реальности талибы не сохранят

³ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁴ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁵ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

симпатии к радикальным исламистам из соседних стран и в той или иной степени не будут тайно оказывать им поддержку.

Несмотря на то что власти центральноазиатских государств жестко подавляют у себя проявления экстремизма, терроризма и религиозного терроризма, очевидно, что полностью решить эту проблему вряд ли возможно – тем более, с помощью одной лишь «жесткой силы». Между тем, говоря о проблеме насильственного экстремизма и терроризма в контексте афганской проблемы, некоторые исследователи считают возможным объединение Афганистана и Пакистана, с одной стороны, и Центральной Азии, с другой, в один регион [14, с. 205].

В данном случае имеется в виду взаимодействие экстремистских группировок в 1990 – 2000-е гг. и в более поздний период (в частности, проникновение боевиков на афганскую территорию после поражения радикальных исламистов в гражданской войне в Таджикистане в 1990-х гг., террористические вылазки с территории Афганистана в Среднюю Азию в 1999–2000 гг., обретение вооруженными экстремистами из группировок «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)⁶ и «Исламского движения Туркестана»⁷ убежищ в приграничных с Афганистаном районах Пакистана).

Как утверждает В.Белокриницкий, «таким образом, образовалось единство двух регионов вооруженного экстремизма. Оно поддерживалось и после разгрома талибов в Афганистане в 2001 г.» [14, с. 208]. На фоне резкого усиления в 2013–2014 гг. позиций ИГ⁸ «соединение двух стран Южной Азии (АфПака) и Центральной Азии как ареала вооруженного экстремизма обеспечивается ориентированностью не столько на Аль-Каиду,⁹ сколько на ДАИШ» [14, с. 208].

Говоря о перспективах возникновения на афганской территории очагов активизации транснациональных джихадистских группировок, следует учитывать высказываемые наблюдателями опасения, что «в отсутствие неослабевающего давления со стороны американских сил специальных операций и агентов разведки в стране, Аль-Каида может вернуться в Афганистан, где доминировали бы талибы» [6].

Проблема наличия на афганской территории у границ центральноазиатских государств боевиков группировки «Исламское государство» заслуживает отдельного анализа. Как известно, в 2010-е гг. тысячи выходцев из Центральной Азии уехали, чтобы сражаться на стороне

⁶ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁷ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁸ «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ, ДАИШ) – террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

ИГИЛ в «горячих точках» Ближнего Востока, причем нередко за этими «джихадистами» в Сирию и Ирак следовали члены их семей.

После разгрома ИГИЛ в Сирии и Ираке часть выходцев из Центральной Азии вернулась к себе на родину, но есть основания полагать, что нашлись и те, кто отправился в Афганистан, чтобы присоединиться к действующему на территории этой страны «филиалу» ИГ. Безусловно, группировка «Хорасан», считающаяся частью «Исламского государства», представляет реальную угрозу, прежде всего для республик Центральной Азии [2, с. 43].

Как отмечает А.Казанцев, особенно активное проникновение «Исламского государства» в Афганистан наблюдается на востоке страны через «моджахедов» арабского и пакистанского происхождения и на севере, где действуют этнические группировки, а также часть международных террористов, вернувшихся из Пакистана. В этой связи «особенно опасна присяга, принесенная ИГ представителями части Исламского движения Узбекистана (ИДУ), а также – “Имаратом Кавказ”¹⁰ (последний имеет в Центральной Азии связанные с ним ячейки боевиков в Афганистане и Пакистане). Исторически – это две самые опасные террористические организации постсоветского пространства» [15, с. 58].

Крайняя жестокость и отсутствие идеологической гибкости отпугивает многих афганцев от ИГ. Тем не менее, несмотря на острую конкуренцию с этой группировкой на джихадистском поле движения «Талибан», которое гораздо глубже и прочнее связано с Афганистаном, сторонникам «Исламского государства» все же удастся пустить корни в этой стране [16, с. 58].

Конфликт между «Талибаном» и конкурирующими с ним сторонниками «Исламского государства» может ослабить потенциал этой экстремистской группировки, однако не следует сбрасывать со счетов связанную с ней опасность для всего региона. Тем более, что нельзя исключить и вероятность тактического (а в перспективе – даже стратегического) взаимодействия талибов и центральноазиатского «филиала» ИГ.

¹⁰ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

Риски: не только терроризм и экстремизм

Помимо связанной с нестабильностью в Афганистане угрозой активизации экстремистских сил, для государств региона возникают вызовы, выходящие за рамки сферы политики. Так, обострение ситуации, особенно в пограничных с ЦА районах Афганистана, усиливает и обеспокоенность, связанную с проблемой наркотрафика. Если страны ЦА рассматривают Афганистан как потенциальное звено, связывающее регион со странами Южной Азии, то и афганские наркодельцы готовы воспользоваться соседними государствами как «транспортными коридорами» для распространения производимых в Афганистане наркотических веществ.

Как констатирует Ш.Содилов, «бюджеты лежащих на пути Северного маршрута афганского героина Таджикистана и Киргизии в несколько раз меньше финансовой мощности проходящего по их территории афганского наркопотока. По сути, Центральная Азия является промежуточным элементом на путях транзита афганского героина в Россию и Европу» [8, с. 58]. Хотя представители «Талибана» выступали с уверениями, что в случае своей победы они будут бороться с контрабандой наркотиков, вряд ли можно доверять им. Тем более, что, по свидетельству экспертов, наркобизнес составляет значительный источник доходов этой группировки.

По оценкам, наркотики обеспечивают поступление в «бюджет» талибов 416 млн долл. (что составило около четверти доходов группировки в 2019–2020 гг.). Согласно отчету ООН о наркотиках в мире за 2020 г., на Афганистан приходилось около 84% мирового производства опиума в 2015–2020 гг., причем большая часть доходов от наркотиков поступает к талибам, которые перерабатывают опиум в районах, находящихся под их контролем. Согласно отчету за 2008 г., подготовленному Группой исследований и оценки Афганистана, группировка облагает 10-процентным налогом каждое звено в цепочке производства наркотиков [17].

Возникновение на фоне внутриафганского конфликта зоны нестабильности в пограничных с государствами ЦА районах Афганистана чревато усилением наркотрафика в соседние страны, которые станут перевалочными пунктами по распространению зелья в другие государства, включая РФ.

Значимым вызовом, связанным с обострением афганского конфликта и усилением гуманитарного кризиса, для сопредельных с Афганистаном государств ЦА может стать проблема беженцев – особенно, если учесть, что в приграничных районах Афганистана проживает большое количество представителей национальных меньшинств, тесно связанных этнически со странами региона (таджики, узбеки и т. д.). Так, летом 2021 г. сотни людей перешли границу с Таджикистаном, отступая от талибов, а на территории

Узбекистана оказались отступившие под натиском боевиков военнослужащие правительственных афганских сил.

Эскалация насилия на афганской земле привела к тому, что согласно отчету Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА) жертвы среди мирного населения там в первой половине 2021 г. достигли рекордного уровня. По этим данным, за первое полугодие 2021 г. в Афганистане погибли 1659 мирных жителей, 3524 человека получили ранения. При этом именно с мая, когда иностранные коалиционные войска начали активно покидать страну, на фоне наступления боевиков особенно значительно выросло количество убитых и пострадавших. С мая по июнь 2021 г. представителями ООН была задокументирована гибель 783 мирных жителей, а ранения получили 1609 человек [18].

Наибольшую озабоченность вызывает то, что почти половину жертв среди гражданского населения составляют женщины и дети. Подобная ситуация сама по себе способна «подстегнуть» бежать из Афганистана представителей мирного населения, опасаящегося стать невольными жертвами вооруженного противостояния, – не говоря о тех, кто не желает жить при насаждаемых талибами порядках, и тех, кто опасается за свою жизнь и безопасность в случае прихода к власти «Талибана».

Управление ООН по делам беженцев выступило в 2021 г. с предупреждением, что Афганистан находится на пороге нового гуманитарного кризиса, а эскалация вооруженного конфликта вынуждает сотни тысяч людей покидать свои дома. Из 3,5 млн перемещенных лиц внутри Афганистана примерно 270 тысяч жителей с начала 2021 г. вынуждены были оставить свое жилье из-за ухудшения состояния безопасности в стране.

Бежать афганцев вынуждают как боевые действия, так и преследования и вымогательства со стороны вооруженных группировок, отсутствие социального обеспечения, потеря доходов вследствие растущей нестабильности. Хотя эксперты ООН высказывали предположения, что даже при росте военно-политической напряженности в Афганистане большинство покидающих свой кров афганцев будут перемещаться внутри страны, есть основания полагать, что немало людей могут попытаться бежать за рубеж через соседние государства (центральноазиатские, в том числе).

В июле 2021 г. со ссылкой на заместителя председателя Комитета по чрезвычайным ситуациям Таджикистана И.Иброхимзоду СМИ сообщили, что эта страна готовится принять до 100 тысяч беженцев из Афганистана [19]. Тем не менее следует прислушаться к предупреждениям о том, что в случае повторения ситуации по сценарию сирийской войны афганские беженцы «хлынут не только в Таджикистан и соседние страны, но и во

многие государства планеты, включая Китай, страны Евросоюза, Россию и США» [20].

Действовать сообща

Возможно, не следует поддаваться чрезмерно алармистским настроениям по поводу афганских событий, однако следует признать, что вызовы, связанные с обострением ситуации после ухода американских войск и их союзников из Афганистана и фактической победой движения «Талибан», для государств постсоветской Центральной Азии представляют собой комплекс проблем, который не ограничивается собственно афганской тематикой. Эти проблемы имеют как внешние, так и внутренние аспекты.

Возникает ситуация, при которой больше нет той гарантии безопасности для республик ЦА с юга, которую прежде в значительной степени обеспечивало присутствие в Афганистане военных контингентов США и НАТО. Эскалация конфликта в этой стране после исчезновения такой гарантии несет тем большую угрозу, чем дольше ситуация на афганской земле будет находиться в состоянии турбулентности.

При том, что уход иностранных войск из Афганистана и спровоцированная этим активизация вооруженного противоборства в стране – с фактическим захватом власти там радикальными исламистами – не создает принципиально новой для стран ЦА ситуации, можно констатировать, что за прошедшие с конца 1990 – начала 2000-х гг. два десятилетия центральноазиатские страны, с точки зрения внутренней стабильности и безопасности, находятся в более выигрышном положении.

Нельзя исключать и возможности заключения более или менее гласных «сделок» между правительствами ряда стран региона с «Талибаном» (в частности, официальный Ташкент посылал сигналы о готовности диалога с новыми властями Афганистана, тогда как Таджикистан в публичном пространстве занял более жесткую позицию в отношении талибского режима), в рамках которых, в обмен на те или иные преференции, это движение пообещает гарантировать неприкосновенность границ этих государств, недопущение деятельности на афганской территории радикальных экстремистских группировок и т. д. При этом следует крайне осторожно относиться к такого рода «гарантиям» со стороны талибов.

Можно допустить, что эта радикальная исламистская группировка способна «переформатироваться», отказавшись от откровенно экстремистской деятельности и демонстрируя договороспособность. Однако следует иметь в виду фрагментированность «Талибана», что делает весьма аморфными долговременные договоренности с его представителями.

Нельзя сбрасывать со счетов незавершенность внутривнутриполитических процессов в Афганистане. Декларация «Талибана» о создании в стране нового правительства возрожденного «Исламского эмирата» вызывает немало вопросов об «инклюзивности» кабинета министров, в состав которого попали практически исключительно сторонники талибов и по преимуществу представители пуштунского этноса. Фактически за бортом объявленного в начале сентября 2021 г. состава афганского правительства оказались представители афганских таджиков, узбеков, хазарейцев и других этнических меньшинств. Потенциально это может послужить конфликтообразующим фактором в отношениях между «Талибаном», представляющим интересы главным образом пуштунов, и национальными меньшинствами Афганистана. Объявленный талибами «временный» характер их правительства несет в себе риски дальнейшего передела власти между различными фракциями «Талибана», что может свести на нет все обещания новых властей положить конец продолжающейся уже несколько десятилетий вооруженной междоусобице в стране. И это не говоря об активизации на фоне вывода американских войск конкурирующих с талибами сторонников афганского «филиала» транснациональной террористической сети «Исламское государство», совершивших в районе кабульского аэропорта 26 августа 2021 г. кровавый теракт, объектами которого наряду с мирными афганцами стали как военнослужащие США, так и боевики «Талибана». Если талибы, став властью, и прекращают диверсионную и террористическую активность, то наличие в Афганистане сторонников ИГИЛ и других экстремистских сил не снимает с повестки дня угрозу терроризма – и не только в этой стране.

Дополнительным фактором напряженности может послужить и деятельность антиталибских сил, заявляющих о своей лояльности свергнутому в августе 2021 г. режиму Исламской Республики Афганистан, несмотря на заявления талибов (сентябрь 2021 г.), что им удалось взять под свой контроль провинцию Панджшер, которую пытались превратить в свой оплот противники «Талибана», многие из которых являются представителями таджикского меньшинства. В районе Панджшерской долины сохраняются возможности для партизанских действий местных ополченцев и остатков войск свергнутого режима. И в этой связи понятна высказывавшаяся руководством соседнего Таджикистана озабоченность ситуацией в Афганистане.

Как бы то ни было, талибы остаются как минимум беспокойными соседями для близлежащих стран. Вне зависимости от наличия или отсутствия договоренностей с «Талибаном», сами по себе военно-политические успехи этого движения в Афганистане несут в себе угрозу идейного влияния на определенные круги в странах ЦА, что способно

породить новую волну активности радикального исламизма, противостоять которому необходимо будет всем арсеналом средств не только «жесткой», но и – особенно – «мягкой силы».

В любом случае, очевидно, что необходим комплексный подход к вызовам в связи со складывающейся в Афганистане ситуацией. На внешнеполитическом уровне это предполагает прежде всего координацию усилий всех стран Центрально-Азиатского региона не только между собой, но и с другими региональными и глобальными акторами, включая Россию, с которой ЦА имеет не только тесные исторические связи, но и участвует в различных интеграционных проектах (от СНГ до ШОС и ОДКБ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Akhmatova A. *With US Afghan exit, Russia eyes Central Asian security*. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/us-afghan-exit-russia-eyes-central-asian-security> (дата обращения 18.05.2021).
2. Baizakova Zh.I. 2020. US withdrawal from Afghanistan: new 'old' perspectives from Central Asia. – *Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия»*. No 3 (99), с. 40-44. DOI 10.31489/2020HPh3/40-44
3. Gallagher A. Afghanistan: Can Central Asia Help Spur Peace with the Taliban? – *United States Institute of Peace*. July 28, 2020. URL: <https://www.usip.org/publications/2020/07/afghanistan-can-central-asia-help-spur-peace-taliban> (дата обращения 12.05.2021).
4. Пластун В.Н. 2013. Вывод войск НАТО из Афганистана: последствия для Центральной Азии. – *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Том 12, выпуск 4. Востоковедение. С. 160-165.
5. Федулова Н.Г. 2013. Центральная Азия после вывода иностранных войск из Афганистана. – *Россия и новые государства Евразии*, №4 (21), с. 32-49.
6. How the U.S. Plans to Fight From Afar After Troops Exit Afghanistan. – *The New York Times*. 15.04.2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/04/15/us/politics/united-states-al-qaeda-afghanistan.html> (дата обращения 18.05.2021).
7. Январев И. Талибы у таджикской границы: Россия бьет тревогу. – *News.Ru*, 23.06.2021. URL: <https://news.ru/world/taliby-u-tadzhikskoj-granicy-rossiya-byot-trevogu/> (дата обращения 02.07.2021).
8. Содиков Ш.Д. 2019. Институт общественной дипломатии, как механизм противодействия афганским боевикам в регионе. – *Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в*

Центральной Азии: материалы X Международной научной конференции. Москва, 29 ноября 2018 г. / под ред. Д. А. Дегтерева, М. А. Шнаковской. – Москва : РУДН, с. 58-65.

9. Pannier B. *Will Central Asia Host U.S. Military Forces Once Again?* April 23, 2021. URL: <https://www.rferl.org/author/bruce-pannier/vumpq> (дата обращения 18.05.2021).

10. Колаев А.М. 2021. «И не мир, и не война» на границе с Таджикистаном – реальная террористическая угроза России. – *Академическая мысль*. No 1 (14), с. 31-34.

11. Яшлавский А.Э. Эксперты назвали главную угрозу конфликта в Афганистане для Центральной Азии. В Ташкенте государственные лидеры обсуждали проблемы войны и мира огромных регионов. – *МК.RU*, 20.07.2021. URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/07/20/eksperty-nazvali-glavnuyu-ugrozu-konflikta-v-afganistane-dlya-centralnoy-azii.html> (дата обращения 21.07.2021).

12. Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. *Террор во имя веры: религия и политическое насилие*. М.: Мосты культуры, 2011. 344 с.

13. Серенко А.Н. Талибовирус: чем уход США из Афганистана грозит Центральной Азии. – *News.Ru*, 01.05.2021. URL: <https://news.ru/world/talibovirus-chem-uhod-ssha-iz-afganistana-grozit-centralnoj-azii/> (дата обращения 02.07.2021).

14. Белокрыницкий В.Я. 2017. Вооруженный экстремизм в Афганистане, Пакистане и Центральной Азии: взгляд из России. – *Пути к миру и безопасности*, № 1 (52), с. 205-212. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-205-212.

15. Казанцев А.А. 2016. Угроза международного терроризма на центральноазиатско-афганском направлении: ключевые факторы. – *Международная аналитика*, № 4 (18), с. 56-65.

16. Яшлавский А.Э. 2018. После “халифата”: какое будущее ждет ИГИЛ? – *Мировая экономика и международные отношения*, том 62, No. 12, с. 55-64. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-55-64.

17. Sufizada Hanif. *The Taliban are megarich – here's where they get the money they use to wage war in Afghanistan*. December 8, 2020. URL: <https://theconversation.com/the-taliban-are-megarich-heres-where-they-get-the-money-they-use-to-wage-war-in-afghanistan-147411> (дата обращения 21.07.2021).

18. UNAMA (United Nations Assistance Mission in Afghanistan). *Afghanistan. Protection of Civilians in Armed Conflict. Midyear Update: 1 January to 30 June 2021*. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/unama_poc_midyear_report_2021_26_july.pdf (дата обращения 27.07.2021).

19. Афганистан: США нанесли авиаудары по талибам, Таджикистан готовится принимать беженцев. — *BBC News – Русская служба*, 23.07.2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57944809> (дата обращения 27.07.2021).

20. Афганские беженцы хлынут не только в Центральную Азию, но и в Европу, Россию и США — эксперт. — *Караван. Медиа-портал*, 27.07.2021. URL: <https://www.caravan.kz/news/afganskije-bezhency-khlynut-ne-tolko-v-centralnuyu-aziyu-no-i-v-evropu-rossiyu-i-ssha-ehkspert-757342/> (дата обращения 27.07.2021)